

УДК 930.1

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В КИТАЕ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 20-Х ГОДОВ XX ВЕКА

O.B. Телушкина

*Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,
г. Омск, 644077, Россия*

Аннотация

В статье рассматривается проблема взаимовлияния формирующихся с середины 20-х годов XX в. исторических концепций и дискуссий о целях и задачах политики Коминтерна в Китае. Проанализированы работы советских китаеведов А.Я. Канторовича, Б.К. Радека, Е.С. Варги, в которых исследуется общественной строй докапиталистического Китая. Среди особенностей советского китаеведения указанного периода отмечаются значительная роль идеологических разногласий и вмешательство власти в научную полемику. Автором прослеживается тенденция ко всё более детальному, экономически обоснованному подходу советских историков к анализу прошлого и настоящего Китая, его экономики и общественных отношений. Сформулированные во второй половине 20-х годов представления о китайских общественных отношениях явились подготовительным этапом масштабной дискуссии об «азиатском способе производства» как особой стадии развития общества, следующей за первобытно-общинным строем.

Ключевые слова: востоковедение, китаеведение, азиатский способ производства, Коминтерн, дискуссии, аграрная история, формации, историография

В начале XX в. для советской историографии всё более важной становилась проблема увязывания изменений в политической реальности с марксистской теорией исторического процесса. Так как наиболее значительные революционные события теперь происходили на Востоке, интерес к его истории вырос, причём, в отличие от предыдущих периодов, он не ограничивался восхищением восточной экзотикой. Если в дореволюционной России востоковедческие труды носили преимущественно описательный характер и во многом напоминали экспедиционные отчёты, очерки об обычаях и культуре народов, столь отличающихся от европейцев, то новая эпоха потребовала иного отношения к качеству информации и скорости её получения.

В условиях революционного движения в Китае исследования социальных, политических и экономических особенностей этой страны приобрели для СССР существенное значение. Прежде всего, дискуссии об истории Китая были элементом более обширных споров о формационной структуре истории Азии, затрагивали вопрос об «азиатском способе производства» и выводили на проблему

сходств и различий цивилизаций Востока и Запада¹. Кроме того, нередко они становились орудием политической борьбы и пропаганды, подтверждали или опровергали позиции соперничающих советских партийных структур.

Понимание специфики социально-экономических отношений в Китае необходимо было и для привлечения к революционной работе китайского населения. Так, Л.Д. Троцкий в 1927 г. призывал «вооружить это [китайское революционное] движение правильной перспективой, правильными лозунгами» (НВКР, с. 278), которые должны быть сформулированы в Москве. В 1926 г. там прошли VI и VII пленумы Исполкома Коминтерна, на которых специально рассматривался китайский вопрос. «Временное поражение» китайской революции, наступившее в 1927 г., требовало анализа тактических ошибок и оказавших негативное влияние внешних факторов.

На XV съезде ВКП(б), прошедшем в декабре 1927 г., был поставлен вопрос о возможности дальнейшего сотрудничества СССР с национальной китайской буржуазией. Иными словами, следовало определить, какие классы в китайском обществе являются прогрессивными, а какие реакционными, а также выявить основного противника крестьянства и пролетариата. Для решения указанной задачи требовалось проанализировать с точки зрения марксистской теории общественные отношения, сложившиеся к тому моменту в Китае. В связи с этим нужно было, во-первых, применить данную теорию к азиатским странам, а во-вторых, получить достоверные сведения с места событий.

Во время революционного подъёма второй половины 20-х годов в Китае находились советские дипломатические работники, корреспонденты, военные специалисты, преподаватели русского языка и другие советские эксперты [2, с. 126]. Несмотря на это, СССР не располагал достаточными данными о ситуации в стране. Заместитель наркома иностранных дел СССР Л.М. Каракан писал: «...При недостатке китаеведов мы не можем позволить себе роскоши уходить в мёртвое прошлое, когда мы не знаем живого, страдающего народа... на судьбу которого мы не можем не иметь первостепенного влияния. В Китае тысячи американцев, знающих свободно китайский язык; у нас – единицы. Мы должны превзойти и американцев, и другие страны, мы должны стать первой страной и по синологии, и по количеству знающих китайский язык» (ЗВ).

Одной из первых попыток советских специалистов проанализировать положение дел в Китае стала книга А.Е. Ходорова «Мировой империализм и Китай (опыт политico-экономического исследования)», вышедшая в 1922 г. в Шанхае (МИИК). К этому времени её автор, главный представитель Дальневосточного отделения Российского телеграфного агентства, уже больше трёх лет жил в Пекине. Как отмечает рецензент, «написанию книги предшествовала большая поездка по всему Китаю, во время которой Ходоров виделся с большим количеством ответственных государственных, общественных и промышленных деятелей Китая и имел возможность на месте собрать необходимый материал» (РОНК, с. 369). Таким образом, к середине 1920-х годов советские специалисты не только активно занимались сбором информации об этой стране, но и пытались переработать её, используя методологию социально-экономических исследований.

¹ Дискуссии на эту тему постепенно стали подниматься и в среде китайских интеллектуалов (подробнее об истоках этого процесса см. [1]).

Однако основным источником сведений о Китае для СССР в рассматриваемый период выступали западные, преимущественно англоязычные издания. Об этом свидетельствует замечание Е.С. Варги², сообщающего, что «бесчисленными информацией из капиталистического лагеря» подтверждается факт потери Гоминьданом³ своего влияния (ОПКР, с. 194). Значительно затруднило получение актуальной информации ухудшение советско-китайских отношений, произошедшее в 1925–1928 гг. (см. [3–4]).

Для понимания внутренней политики Китая было необходимо составить целостное представление о социальной структуре китайского общества и, что особенно важно, о противоречиях между разными слоями населения. Так как в основе противоречий между разными слоями населения лежала экономика, именно экономические отношения оказались в фокусе внимания советских исследователей. Основной проблемой, с которой они столкнулись, стало отсутствие сколько-нибудь полной, достоверной и репрезентативной статистики. Таким образом, выводы о текущих социальных процессах, а также о соотношении их с марксистской теорией изначально строились на весьма шатком фундаменте.

Исследователи не скрывали фрагментарности имеющихся у них данных, которые зачастую выступали иллюстрациями для уже сложившегося подхода. Часто статьи выходили с подзаголовками «в порядке гипотезы» и замечаниями редакции о неприятии авторской позиции. В подобном духе была написана работа А.Я. Канторовича⁴, опубликованная в 1925 г., когда китайская революция переживала подъём (см. СООКДЭ).

А.Я. Канторович не претендует на создание исторического труда, основанного на детально проработанных аутентичных источниках⁵ и строгой методологии. Он сразу оговаривает, что его статья лишь «опыт схематического анализа», несколько «догадок», подтверждение которых требует «более углубленного исторического исследования» (СООКДЭ, с. 67). Автор обращается к прошлому с чисто практической целью – проанализировать свойственные Китаю экономические отношения в их чистом виде, до влияния капиталистического развития, что позволило бы лучше понять общественный строй страны. Особенно интересно примечание редакции журнала, в котором одновременно с признанием Канторовича «серёзным исследователем Китая» его позиция объявляется «в корне неправильной, а достигнутые результаты лишёнными серьёзного практического значения» (СООКДЭ, с. 67). Вероятно, подобная оценка была связана, с одной стороны, с представлениями Канторовича о роли бюрократии в Китае (об этом речь пойдёт далее), а с другой – с тем, что, изложив свой взгляд на историческое развитие китайского общества, автор так и не сделал следующий

² Евгений Самуилович Варга (1879–1964) – советский экономист-международник, общественный деятель, академик (1939).

³ Буквально с китайского: Китайская Национальная народная партия.

⁴ Анатолий Яковлевич Канторович (1896–1937?) – востоковед, экономист, сотрудник Народного комиссариата иностранных дел СССР. В 1924–1928 гг. находился в Китае по делам Наркомата, где занимался исследованиями китайской экономики. После возвращения в Москву он вместе с такими специалистами по практическому китаеведению, как М. Волин, А.А. Ивин, Л.И. Мадьяр, Е.С. Иолк, О.С. Тарханов, работал в организованном при Коммунистическом университете трудящихся Востока Научно-исследовательском институте по Китаю. Погиб в ходе репрессий 1930-х гг. (см. о нём [5–6]).

⁵ Помимо иностранной литературы, Канторович в качестве источников использовал «Труды членов Российской духовной миссии в Пекине», содержащие информацию об аграрном строе Китая.

шаг – он ничего не сказал о произошедших в XX в. изменениях социальных отношений. Отсюда можно сделать вывод, что для него революция 20-х годов является всего лишь очередной гражданской войной, очередной стадией исторического цикла.

Целью публикации А.Я. Канторовича было доказательство господства в современном ему Китае докапиталистических отношений, осложнённых рядом новых факторов. Историк делает акцент на исторической роли бюрократии в истории Китая, главным же двигателем событий называет аграрный вопрос. Свой анализ он начинает с древней системы цзинь-тянь, которую характеризует как феодальную. По мнению исследователя, в конце правления династии Чжоу (XI – III вв. до н. э.) эта система была уничтожена растущими фискальными потребностями государства, а также ростом экономического расслоения в среде крестьянства и перераспределением земель внутри общины (СООКДЭ, с. 69).

При этом А.Я. Канторович делает интересное наблюдение: непрекращающиеся на протяжении столетий жалобы на захват земли богатыми семьями означали, что подобные факты воспринимались как отклонение от нормы. Автор приходит к парадоксальному выводу: «крестьянство сумело так или иначе себя защитить, а крупное землевладение, наоборот, не смогло создать себе прочные корни в стране, преобладающим земледельческим типом которой всегда оставалось мелкое владение и мелкое хозяйство» (СООКДЭ, с. 69). По его мнению, «правительство никогда не поощряло образование крупных земельных владений, напротив, оно вело борьбу с безземелием» (СООКДЭ, с. 75). Экстенсивное расширение стало уже невозможным, и борьба за ограниченный ресурс окончательно превратилась в игру с нулевой суммой⁶. Используя наработки китайского автора, чьё имя, к сожалению, не упомянуто в тексте, Канторович обращает внимание на то, что борьба между крупным и мелким землевладением завершилась в эпоху правления маньчжурской династии (1644–1911), когда правительство предпринимало отчаянные усилия в попытках расширить площадь пахотных земель и всячески подчёркивало важность крестьянского труда для процветания государства (СООКДЭ, с. 76).

Несомненную важность представляет замечание Канторовича о том, что «помещичьего вопроса в том смысле, в каком он имелся в России до 1917 г., во Франции до французской революции и в Германии до наших дней, Китай... не знает» (СООКДЭ, с. 80). Более того, со времён династии Чжоу в Китае не существовало ни земельной аристократии, ни сколько-нибудь значительного слоя помещиков, а следовательно, феодальные отношения⁷ также исчезли много веков назад.

В поисках господствующего класса историк обратил внимание на связи между политической властью и влиянием в экономической сфере. А.Я. Канторович считает, что «в основу бюрократической власти в Китае легло не что иное, как фискально-экономическая функция, что сама эта власть представляла собой на всем протяжении китайской истории по существу экономическую категорию» (СООКДЭ, с. 83). Обладая такой властью над податным населением, чиновник

⁶ Имеется в виду состязание, в котором проигрыш одного игрока равнозначен выигрышу другого.

⁷ К таковым он относит признаки феодализма, сформулированные в «Русской истории с древнейших времён» М.Н. Покровского: господство крупного землевладения, его прочная связь с политической властью, феодальная лестница (СООКДЭ, с. 76).

был обязан передавать в казну фиксированную сумму, оставляя себе излишки. Канторович называет этот «административный доход» самостоятельным типом экономического накопления. Таким образом, ключевым элементом политико-экономического устройства китайского общества становился класс бюрократии, обеспечивавший сбор и осуществлявший перераспределение земельной ренты. Автор не раз повторяет тезисы:

- «кардинальным вопросом, который заполняет собой всю историю Китая, является вопрос налоговый»;
- «весь экономический уклад страны базируется на фискальных, а не на земельных или торгово-экономических отношениях» (СООКДЭ, с. 84).

Соответственно, «господство бюрократии в Китае есть выражение определённой общественной системы, которая в отличие и взамен феодализма, сливающего отношения власти с отношениями земельными, организует общество на публично-правовых началах в связи и на основе административно-фискальной эксплуатации» (СООКДЭ, с. 84).

Китайская история, таким образом, предстаёт в виде цикла с периодически повторяющимися стабилизацией, упадком и революцией. При этом практически неизменной сохраняется социально-политическая система, которая лишь на протяжении второй половины XIX – начала XX вв. испытала на себе влияние капитализма.

В том же журнале «Новый Восток», где была опубликована работа А.Я. Канторовича, годом позже вышла статья К.Б. Радека⁸ об основных вопросах китайской истории (ОВКИ). Он выдвинул собственную концепцию, согласно которой в древнейшем Китае (до III в.) господствовали феодальные отношения, после чего началась длительная борьба торгового капитала за господство, увенчавшаяся полной победой капиталистических отношений в XIII – XIV вв. Таким образом, по мнению историка, к началу XX в. в Китае уже был капитализм, происходящие там в 1920-х гг. события представляли собой борьбу крупной и мелкой буржуазии. Следовательно, феодализм не мог быть врагом, борьба с которым сплотила бы все революционные силы Китая. На эту роль выдвигалась сотрудничающая с империалистами крупная буржуазия.

В 1927 г. стало ясно, что стратегия сохранения единого антиимпериалистического фронта с постепенным вытеснением Гоминьдана с руководящих позиций провалилась, «крупнобуржуазная часть национального движения, стоя перед выбором борьбы с империализмом или с рабочим классом и крестьянством, выбрала последнее» (ПКР, с. 80). Соответственно, продолжавшаяся революция являлась буржуазной, однако активные действия китайских коммунистов могли повернуть её в пролетарское русло. Руководство Коминтерна не отказалось от ставки на сотрудничество с Гоминьданом даже после репрессий, которые сторонники Чан Кайши⁹ развернули против коммунистов. В «Речи о китайской революции», произнесённой на заседании Исполкома Коминтерна 23 мая 1927 г.,

⁸ Карл Бернгардович Радек (1885–1939) – советский политический деятель, ректор Университета трудящихся Китая имени Сунь Ятсена в 1925–1927 гг. Его активное выступление против линии Коминтерна принесло ему титул «вождя троцкистской оппозиции в отношении китайской революции» (подробнее о его деятельности см. [7]).

⁹ Чан Кайши (1887–1975) – военный и политический деятель Китая, возглавивший Гоминьдан в 1925 г., президент Китайской Республики, маршал и генералиссимус.

Л.Д. Троцкий высмеял попытку Исполнительного комитета Коммунистического интернационала (ИККИ) сохранить лицо в сложившейся ситуации: «ИККИ устанавливает – это стало ритуалом – что события “подтвердили” предвидение. <...> Шанхайские и ханькоуские рабочие будут, вероятно, очень удивлены, когда прочитают, что апрельские события совершились в соответствии с тем историческим маршрутом, какой Бухарин намечал для китайской революции. Можно ли вообще придумать более злую карикатуру на марксизм и более смехотворное педантство?» (РОКР, с. 191).

Эти события нашли отражение и в трудах советских исследователей. В 1928 г. вышла статья Е.С. Варги, посвящённая проблемам китайской революции (ОПКР), к которой автор уже обращался в работе 1925 г. (см. ЭПРВК, с. 171). Первоначальный тезис о том, что в революции победит та сила, за которой пойдёт крестьянство, трансформировался в предельно конкретный вопрос: «существует ли для китайской буржуазии возможность разрешения аграрной проблемы на буржуазных началах?» (ОПКР, с. 181).

Значительное место в работах Варги занимает экономический анализ. Историк пытается сравнить Китай с западными странами, обращая пристальное внимание на влияние капитализма на китайское общество. По его мнению, периоды китайской истории с трудом вписываются в представления о европейском феодализме и требуют особого подхода. Более того, в статье 1928 г. он начинает сомневаться в том, что в Китае существовало нечто более выраженное, чем «элементы феодального характера» (ОПКР, с. 185). Приравнивая термин «феодализм» к «докапиталистическим отношениям», Е.С. Варга сводит к нулю своеобразие первого, превращая его лишь в хронологический маркер, зависящий от определения хронологии и сущности капитализма. Тогда как между «докапиталистическими элементами» Китая и Европы он выявляет отличия, связанные с «экономической основой крепостничества». Это приводит к утверждению, что в Китае «невозможна аграрная революция, руководимая буржуазией» (ОПКР, с. 184). Так как получателями земельной ренты являются не феодалы-помещики, а всё та же буржуазия, она никак не может совершить революцию против себя. Необходимость организации водного хозяйства привела к возникновению «учёной чиновничьей аристократии феодального характера» (ОПКР, с. 185), а возможность покупать и продавать землю – к размытию класса, получающего доходы с ренты.

Среди других причин отказа от термина «феодализм» применительно к докапиталистической экономике Китая Е.С. Варга называет «соображения политической стратегии» (ОПКР, с. 185). Ни в коем случае нельзя было допустить утверждений, согласно которым если в Китае существовал феодальный строй, то ему на смену должен прийти буржуазный режим. Такой естественный ход событий, по мнению историка, был невозможен из-за вмешательства иностранного капитала в развитие китайской экономики. Однако этот же фактор на фоне «упадка капитализма» во всём мире делал реальной победоносную буржуазно-демократическую революцию трудящихся.

Официальная позиция СССР о сущности политических отношений в Китае на протяжении 1928 г. была представлена следующим образом:

- по классификации стран, предложенной в программе Коммунистического Интернационала 1928 г., Китай был отнесён к типу колониальных и полуколониальных государств, в которых преобладают феодально-средневековые отношения или отношения «азиатского способа производства» (ПИУКИ, с. 113);
- на IX пленуме ИККИ был принят тезис о феодальном характере отношений в докапиталистическом Китае (РПКВ).
  - VI съезд Коммунистической партии Китая, прошедший в Москве летом 1928 г., социально-экономические отношения в деревне определил как полуфеодальные, таким образом на внешнеполитическом уровне вопрос был решён в пользу феодализма (РПНВ).

Тем не менее часть советских исследователей продолжала отстаивать точку зрения об особом типе общественных отношений, сложившемся в докапиталистическом Китае. Позднее, в 1928–1930 гг., были изданы труды Л.И. Мадьяра (настоящее имя – Мильхофер Лайош, 1891–1940), посвящённые аграрному строю этой страны. Именно на его монографию «Экономика сельского хозяйства в Китае» во время последующих дискуссий будут опираться сторонники теории «азиатского способа производства». Другая его книга – «Очерки по экономике Китая», по мнению Е.С. Варги, может служить «источником для изучения развития всего народного хозяйства Китая» – настолько большой объём фактического материала был в ней собран (ОПЭК, с. 6). Таким образом, к началу 30-х годов советские историки в своих дискуссиях о формациях стали опираться на системные доказательства, подтверждённые китайскими источниками.

Итак, различные концепции китайских общественных отношений, сформулированные советскими исследователями во второй половине 20-х годов, стали подготовительным этапом масштабной дискуссии об «азиатском способе производства» как особой стадии развития общества, следующей за первобытнообщинным строем.

Особенностью советского китаеведения этого периода стало то, что большинство исследователей не были выходцами из академических кругов. Методы научной работы им приходилось осваивать путём проб и ошибок уже в процессе создания собственных трудов. Статьи, очерки да и крупные монографии, которые публиковались в постреволюционную эпоху, зачастую существовали на границе науки и публицистики. Чем сильнее дискуссия смещалась в академическую плоскость, тем ярче проявлялся конфликт между представлениями партийных руководителей и реальным положением дел. Идеологические разногласия и развитие научных изысканий стали причиной существования множества противоречащих друг другу точек зрения, которые невозможно было привести к общему знаменателю.

Полемизируя друг с другом, советские китаеведы пытались найти подходы к изучению прошлого и настоящего Китая, провозглашая основой своего метода исторический материализм и опираясь на марксистскую теорию. Однако очертания этой теории оказывались весьма размытыми. Знаменитая пятичленная схема исторического процесса (общество первобытное, рабовладельческое, феодальное, капиталистическое и коммунистическое) к тому моменту ещё не сложилась. Развернувшиеся в конце 20-х – 30-е годы дискуссии о периодизации китайской истории и прежде всего об определении формации, характеризующей

состояние китайского общества, во многом определили основные теоретические положения советской исторической науки. Кроме того, они отразили проблему взаимоотношений внутри сообщества китаеведов, а также подняли вопрос вмешательства власти в научную полемику. Последнее имело существенное значение, поскольку от результатов исследований зависела политика СССР по отношению к Китаю, которая могла повлиять и на развитие мирового революционного движения.

Источники

- НВКР – Троцкий Л.Д. Новые возможности Китайской революции, новые задачи и новые ошибки // Архив Троцкого: в 3 т. / Под ред. Ю.Г. Фельштинского, М.Г. Станчева. – Харьков: Око, 1990. – Т. 1. – С. 274–287.
- ЗВ – Каракан Л. Задачи востоковедения // Новый Восток. – 1925. – № 7. – С. 3–4.
- МИИК – Ходоров А.Е. Мировой империализм и Китай (опыт политico-экономического исследования). – Шанхай: Изд. газ. «Шанхайская жизнь», 1922. – XII, 448 с.
- РОНК – Рецензии о новых книгах // Новый Восток. – 1922. – № 1. – С. 367–370.
- ОПКР – Варга Е.С. Основные проблемы китайской революции // Большевик. – 1928. – № 8. – С. 181–208.
- СООКДЭ – Канторович А.Я. Система общественных отношений Китая докапиталистической эпохи // Новый Восток. – 1926. – № 15. – С. 67–93.
- ОВКИ – Радек К.Б. Основные вопросы китайской истории // Новый Восток. – 1927. – № 16/17. – С. 1–53.
- ПКР – Радек К. Поражение китайской революции // Архив Троцкого: в 3 т. / Под ред. Ю.Г. Фельштинского, М.Г. Станчева. – Харьков: Око, 1999. – Т. 1. – С. 80–142.
- РОКР – Троцкий Л.Д. Речь о китайской революции // Архив Троцкого: в 3 т. / Под ред. Ю.Г. Фельштинского, М.Г. Станчева. – Харьков: Око, 1999. – Т. 1. – С. 188–204.
- ЭПРВК – Варга Е.С. Экономические проблемы революции в Китае // Плановое хозяйство. – 1925. – № 12. – С. 165–183.
- ПИУКИ – Программа и устав Коммунистического Интернационала. – М.: Партийное изд-во, 1932. – 194 с.
- РПКВ – IX пленум ИККИ. Резолюция по китайскому вопросу // Коммунистический Интернационал и китайская революция: Документы и материалы / Под ред. М.Л. Титаренко. – М.: Наука, 1986. – С. 146–151.
- РПНВ – Решение по некоторым вопросам истории нашей партии // Мао Цзэ-дун. Избр. произв.: в 4 т. – М.: Изд-во иностр. лит., 1953. – Т. 4. – С. 321–405.
- ОПЭК – Варга Е.С. Предисловие // Мадьяр Л.И. Очерки по экономике Китая. – М.: Изд-во Коммунист. акад., 1930. – С. 5–6.

Литература

1. Мартынов Д.Е. Культурно-цивилизационная идентичность и проблема модернизации (на примере Китая XIX – начала XX в.) // Перспективы модернизации традиционного общества: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. (23 июня 2011 г.). – Уфа: АН РБ Гилем, 2011. – С. 283–288.
2. Никифоров В.Н. Советские историки о проблемах Китая. – М.: Наука, 1970. – 416 с.

3. Крюков В.М. Посол Каракан – persona non grata // Архив российской китаистики: в 2 т. – М.: Наука, 2013. – Т. 2. – С. 137–149.
4. Мировицкая Р.А. Очерк истории ранних российско-китайских отношений (20-е годы XX века) // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – 2012. – № 17. – С. 336–345.
5. Алиев В.М. Репрессии среди советских китаистов // Архив российской китаистики: в 2 т. – М.: Наука, 2013. – Т. 2. – С. 377–385.
6. Канторович (псевд.: Аякс, Н. Терентьев) Анатолий Яковлевич (1896–1937?) // Люди и судьбы: Библиогр. сл. репрессированных востоковедов. – URL: <http://memory.pvost.org/pages/kantorovichaya.html>, свободный.
7. Карл Радек о Китае: документы и материалы / Ред. и сост. А.В. Панцов. – М.: Со-веро-принт, 2005. – 304 с.

Поступила в редакцию
14.03.16

Телушкина Ольга Викторовна, аспирант кафедры всеобщей истории

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
пр-т Мира, д. 55А, г. Омск, 644077, Россия
E-mail: telushkina@list.ru

ISSN 1815-6126 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2016, vol. 158, no. 3, pp. 884–893

**Social and Economic Relations in China from the View
of the Soviet Historical Science in the Second Half of the 1920s**

O.V. Telushkina

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, 644077 Russia
E-mail: telushkina@list.ru

Received March 14, 2016

Abstract

The paper deals with the problem of interaction between the concepts and discussions about the goals of the Comintern policy in China that developed since the middle of the 1920s.

On the basis of the works written by the Soviet sinologists (A.Ya. Kantorovich, B.K. Radek, and E.S. Varga) and covering the specific, different from Western feudalism, pre-capitalist social system of China as an example, a tendency is revealed toward more detailed and economically substantiated approach of the Soviet historians to analysis of the past and present of China, its economy and social relations.

Most participants of the analyzed discussions did not belong to the academic community. They proclaimed the method of historical materialism as the main method of research, as well as the leading role of the Marxist theory, but these discussions demonstrated that conclusions made by the participants contradicted each other.

The development of Soviet sinology was preceded by the open discussion that took place in the Communist Academy in the 1920s–1930s. Despite the apparent loss of the idea of “Asian mode of production”, the adoption of which meant a special path of China’s development as an instrument

of the foreign policy, the discussion continued shifting from the problems of the current policy into the area of history.

Keywords: oriental studies, sinology, Asiatic mode of production, Comintern, discussions, agrarian history, formations, historiography

Для цитирования: Телушкина О.В. Социально-экономические отношения в Китае с точки зрения советской исторической науки второй половины 20-х годов XX века // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2016. – Т. 158, кн. 3. – С. 884–893.

For citation: Telushkina O.V. Social and economic relations in China from the view of the Soviet historical science in the second half of the 1920s. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2016, vol. 158, no. 3, pp. 884–893. (In Russian)